

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ШКОЛА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ПѢВЧИХЪ, НАЗНАЧАВШИХСЯ КО ДВОРУ.

Какъ извѣстно, Малороссія въ прежнее время служила мѣстою, откуда поставлялись въ столицы лучшіе пѣвцы. Пѣвцы и музыканты изъ малороссіянъ служили не только при дворѣ, но и у русскихъ вельможъ; наприм., въ домѣ кн. Меншикова „при спѣвальной музицѣ“ состоялъ малороссіянинеъ Афанасій Резуковичъ¹⁾. Царица Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, во время пребыванія гетмана Данила Апостола въ Москвѣ въ 1728 году, обращалась къ нему съ требованіемъ дать универсалъ посылаемому въ Малороссію служителю Василю Евстратову „для сыску двухъ пѣвчихъ алцѣсть, которые необходимы къ ея двору“. По этому случаю гетманъ, между прочимъ, писалъ царицѣ, что „разными временами носьлаючіеся въ Малую Россію для выбиранія пѣвчихъ многіе чинятъ обывателямъ тамошнимъ обиды, и якихъ не надобно, и такихъ, токмо для взятковъ, насильно отымають хлопцовъ“. Велѣдствіе этого Апостоль обѣщаль самъ, по возвращеніи въ Малороссію, распорядиться о принсканіи двухъ пѣвцовъ-алцѣсть и прислать ихъ ко двору царицы²⁾. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года, по возвращеніи въ Глуховъ, гетманъ получилъ вторичное требованіе принскать еще двухъ дискантовъ. Гетманъ

¹⁾ Матеріалы для отечеств. исторія Судіенка, II, 11.

²⁾ Тамъ-же, стр. 108.

отвѣчалъ царичѣ: „Имѣючи я въ незабвенной памяти, что въ бытность мою въ Москвѣ соблагоизволили ваше высочество требовать присылки двоухъ пѣвчихъ алѣвъ, которымъ надобно быть при дворѣ вашего высочества, прибывши-же сюда въ Глуховъ, послалъ отъ себе въ полки рейменту моего малороссійскіе таковыхъ пѣвчихъ искать; а теперь получилъ вторично вашего высочества предложеніе, дабы до музыки спѣванной ко двору вашего высочества двоухъ дишкантовъ, а двоухъ алтовъ прислать; и я по тому вашего высочества требованію, которіе теперь могли найтись хлопцы зъ тихъ, а именно двоухъ дишкантовъ, а двоухъ алтовъ отправляю, и хотя еще къ тому оныя не обучены, ибо обученныхъ сискать теперь весьма трудно, понеже тутъ, въ Малой Россіи, спѣваніе музыки звеліся, за бывшимъ здѣшнимъ премѣненіемъ, однакъ, надѣюсь, когда обучатся, то до спѣванія будутъ не неудобны. Если-жъ съ временемъ могутъ и способнѣйшіе обискатись для прислуги вашему высочеству, моею милостивѣйшей государинѣ, переслать пошлущя“¹⁾).

При Аннѣ Іоанновнѣ въ особенності много отправлялось пѣвчихъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, какъ къ ея двору, такъ и ко двору царицы Елисаветы Петровны. Эти пѣвчіе набирались по всѣмъ полкамъ Малороссіи и подготавливались въ Глуховѣ. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1736—1738 годахъ.

На содержаніе подготавливавшихся пѣвчихъ въ Глуховѣ употреблено было изъ малороссійскихъ доходовъ въ 1736 г. 50 рублей, 1737 г. 100 руб., въ 1738 г. 250 руб. Изъ указанной суммы давалось каждому обучающемуся пѣвию по 3 копѣйки на день, также изготовлялась одежда и обувь. Регенту назначалось также содержаніе.

Въ августѣ 1738 года изъ 19 человекъ пѣвчихъ, подготавливавшихся въ Глуховѣ, выбраны были 11, которые и отправлены ко двору Анны Іоанновны вмѣстѣ съ регентомъ Федоромъ Яворскимъ. А 21 сентября того-же года послѣдоваль царскій указъ, на имя майора лейбъ-гвардіи Шипова, въ которомъ, между прочимъ, пред-

¹⁾ Архивъ малорос. коллегіи, находящійся при харьков. универс. Дѣло о присылкѣ пѣвчихъ изъ Малой Россіи къ дворцовой капеліи въ Москву къ царичѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, 1728 г., № 4199.

писывалось: „изъ оставшихся за отсылкою сюда пѣвчихъ оставить одного регента, которой-бы въ пѣніи четверогласномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковыхъ, такожъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и протчихъ, и содержать всегда въ той школѣ до двадцати человекъ, выбирая, чтобъ самые лутчіе голоса были и велѣть ихъ оному регенту обучать кievского, такожъ и партеснаго пѣнія, а при томъ, сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ малороссіянъ, велѣть изъ оныхъ-же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно: на скрипицѣ, на гусляхъ и на бандорѣ, дабы могли на оныхъ инструментахъ съ нотъ играть; и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, и съ тѣхъ по вся годы лутчихъ присылать ко двору ея императорскаго величества человекъ по десяти, а на тѣ мѣста цакъ вновь набирать, и пока тѣ учителя тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитаніе и платье и обуви сколько потребно по разсужденію его майора Шипова изъ малороссійскихъ доходовъ“.

Подробности относительно устройства школы были развиты канцеляріей министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, которая изложила ихъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) Для содержанія пѣвчихъ и струнной музыки въ Глуховѣ устроить школу въ особномъ мѣстѣ, на которомъ построить описныхъ маестностей поддавными двѣ горницы съ комнаты да пекарню; да изъ оныхъ-же маестностей для варенія въ школѣ е(ѣ)сть взять двухъ бабъ и одного мужика. 2) О присканіи угодныхъ къ пѣнію кievскаго и партеснаго пѣнія регента, человекъ добраго и въ пѣніи и въ составленіи нотъ искуснаго, и о присылкѣ въ Глуховъ онаго регента, и лучшихъ голосовъ къ тому пѣнію хлопцовъ человекъ до двадцати къ архіереямъ кievскому, переяславскому и къ присутствующимъ въ консисторіи черниговской писать. 3) Какъ отъ оныхъ архіереевъ къ пѣнію и къ ученію хлопцовъ искусный регентъ и лутчихъ голосовъ хлопцы присланы будутъ и которыхъ хлопцовъ, набравъ, приведетъ посланный въ нѣжипскій и черниговскій полки сотникъ Брежинской, то изъ тѣхъ выбравъ оставить угодныхъ въ Глуховѣ при школѣ, а именно регента одного, хлопцовъ лутчихъ голосовъ семнадцать, да для игранія на струнной музыкѣ прискаты

мастеровъ гуслиста, бандуриста изъ малороссіянъ, которые-бъ довольно играть знали на гусяхъ, на бандурѣ и на скрипицѣ, и чтобъ оныя мастера на оныхъ инструментахъ изъ показанныхъ хлопцовъ семь человѣкъ обучали струнной музыкѣ по нотѣ. 4) Для содержанія оныхъ пѣвчихъ, гуслиста и бандуриста, всего двадцати человѣкъ, ассигновать канцеляріи министерскаго правленія изъ личныхъ денегъ сто рублей, и изъ тѣхъ денегъ расходъ держать, записывать особъ учивенную книгу съ росписками, и давать онымъ регенту, хлопцамъ, мастерамъ, гуслисту и бандуристу на одежду и на протчая въ годъ со вступленія ихъ къ показанному обученію, а именно: регенту 50 рублей, басисту одному 5 рублей, да ему-жъ басисту, такожь тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, всего на 17 человѣкъ, на платья, на кафтаны, на штаны сукна каждому по нити аршинъ, цѣною аршинъ по 80 копѣекъ, ибо хотя малымъ хлопцамъ пяти аршинъ сукна будетъ со излишествомъ, оное излишнее можетъ употреблено быть большимъ, которымъ либо и достать не можетъ; на полукафтаны всякому по 2 рубля, на прикладъ и за работу по два-жъ рубля, да вышепоказаннымъ-же пѣвчимъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, которымъ денежнаго окладу не написано, шестнадцати человѣкамъ, на сапоги, на рубахи, на порты, на шапки, на рукавицы и на протчая по два рубля; а егда изъ оныхъ хлопцовъ которые будутъ обучаться ревностиѣ, онымъ давать по десяти копѣекъ на мѣсяць каждому. Гуслисту да бандуристу, когда они принскашы будутъ, въ годъ каждому по двадцати рублей, да онымъ-же регенту съ хлопцы и гуслисту и бандуристу въ школу въ годъ на свѣчи пять рублей, да имъ-же пѣвчимъ, такожь гуслисту и бандуристу, всѣмъ двадцати человѣкамъ на пропитаніе каждому на день по двѣ копейки, да хлѣба на мѣсяць каждому муки по полуосмины, крупъ по два гарнца, которой хлѣбъ взять изъ описнаго Марчихина-будьянскаго (с. Марчихина-Буда) дворца и держать въ расходъ съ росписками, а когда оная школа въ показанныя науки вступить, тогда къ смотрѣнію оной и чтобъ ученики не своевольли и не гуляли, опредѣлить изъ Глуховскаго гарнизона ундеръ-офицера, человѣка добраго, которому, какъ, будучи при той школѣ у смотрѣніи, поступать, дать инструкцію.

Управлявшій Малороссіей А. И. Румянцевъ, который находился въ то время въ Переяславѣ, распорядился, чтобы остававшіеся за отсылкою ко двору четыре человѣка нѣвчихъ съ регентомъ были присланы къ нему изъ Глухова. А по явкѣ въ Переяславль, онъ командировалъ ихъ во всѣ малороссійскіе полки съ тѣмъ, чтобы они выбирали хлопцевъ съ лучшими голосами и къ апробаціи высылали бы къ нему, „а дабы оныя пѣвчіе во время того набору либо изъ взятковъ какихъ кого изыщутъ лутчихъ не отпускали и не тавли и поступали-бъ въ томъ порядочно, для смотрѣнія въ томъ за ними опредѣлить и послать съ ними нарочныхъ и унтеръ-офицеровъ, и въ иные полки, и значковыхъ товарищей по одному, а о неучиненіи пѣвчимъ во взятыхъ тѣхъ лучшихъ голосовъ хлопцевъ никакого препятствія во всѣ малороссійскіе полки послать указы“...¹⁾.

Въ силу этихъ распоряженій, забрано было въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ свыше восьмидесяти человѣкъ хлопцевъ. Изъ числа ихъ оказалось годныхъ 33 человѣка, а именно: басиста 2, тенористовъ 5, дышканцистовъ 6, алцистовъ 16, да опредѣлены въ музыканты 4. Выбраннымъ пѣвчимъ отведено было помѣщеніе въ Переяславѣ и на содержаніе давано каждому по алтыну въ день. Деньги отпущены изъ отписныхъ Кантокузипскихъ маестностей; для изготавленія же пици и для услуги назначено два человѣка да двѣ бабы изъ подданныхъ тѣхъ же маестностей²⁾.

Такъ-какъ Румянцевъ находился въ Переяславѣ недолго, то, по всей вѣроятности, школа пѣвчихъ была переведена въ Глуховъ. Впрочемъ дальнѣйшая судьба школы мнѣ неизвѣстна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаю не лишнимъ привести историческую справку о бандуристахъ. Находящіеся пинѣ въ загоны бандура и бандуристы въ прошломъ столѣтіи были въ большомъ почетѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше, искусству играть на бандурѣ были обучаемы нѣкоторые изъ пѣвчихъ, пазначавшихся ко двору, и это дѣлалось въ силу именного указа импе-

¹⁾ Предписаніе 11 января 1739 г.

²⁾ Дѣло архива малор. коллегіи, находящагося при харьков. университетѣ, объ учрежденіи въ Глуховѣ школы для обученія пѣвчихъ и о наборѣ оныхъ, 1738 г., № 9184.

ратрицы Анны Іоановны. При Елизаветѣ Петровнѣ находился придворный бандуристъ Григорій Михайловичъ (слѣпой), который даже пожалованъ былъ въ дворяне. Къ этому бандуристу хаживали въ гости, въ бытность въ Петербургѣ, именитые наши павы, въ родѣ Маркевичей, и съ нимъ и съ придворными иѣвчниками „куликали“. Мода держать бандуристовъ распространилась и между петербургскими вельможами. Такъ, по словамъ И. Маркевича, утекшій отъ него кравчикъ Данилко служилъ въ Петербургѣ въ бандуристахъ при Нестеровѣ. При самомъ Маркевичѣ находился *бандурка*, мальчикъ нравшійся на бандурѣ, котораго онъ въ 1723 г. подарилъ кн. Голицыну, а въ 1728 г. встрѣтилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ у Давыдова, адъютанта кн. Барятинскаго. Въ Малороссіи въ панскихъ домахъ бандура занимала почетное мѣсто въ числѣ прочихъ инструментовъ; ее даже размалевывали ¹⁾.

П. Ефименко.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

24 января с. г. въ Черниговѣ скончался соборный протоіерей о. Евфимій Пучковской. Для погребенія его избрано было мѣсто за алтарной стѣной зимняго соборнаго храма во имя св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Когда рабочіе, приступивъ къ рытью могилы, стали копать, отступя на одинъ аршинъ отъ стѣны пристроеннаго къ древнему храму алтаря, то на небольшой глубинѣ встрѣтили каменный сводъ; тогда они отступили еще на два аршина и стали копать могилу въ 3 арш. длины и въ 1½ арш. ширины. Тутъ продольная стѣна могилы, ближайшая къ алтарю, пошла по стѣнѣ кирпичнаго склена древней кладки ²⁾; по снятіи мерзлаго верхняго слоя, земля оказалась разрыхленною. Рабочіе продолжали копать и на глубинѣ 2¼ аршинъ нашли человѣческій остовъ, а при немъ черепъ и челюсти съ отлично сохранившимися, бѣлыми

¹⁾ Дневныя записки малорос. подскарбія А. Маркевича, I, 28, 55, 271; II, 161, 169, 180, 191).

²⁾ Состоящая изъ рядовъ длинныхъ кирпичей и дикаго камня, связаннымъ очень крѣпкимъ растворомъ.

не испорченными зубами; нѣсколько ниже выкопанъ другой человѣческой остовъ, въ челюстяхъ котораго зубы оказались уже не все и не такъ бѣлы. Открытый позже остовъ лежалъ въ деревянномъ дубовомъ гробѣ; стѣнки послѣдняго, плотно приставшія къ землѣ, по вынутіи ихъ кусками выброшенные изъ могилы, обратились въ прахъ. По положенію обоихъ скелетовъ видно, что погребенныя тѣла обращены были лицами къ востоку. Время было къ вечеру; рытье могилы производилось безъ всякой предосторожности, никто не ждалъ найти въ разрытой могилѣ что нибудь особенное, тѣмъ болѣе, что лѣтъ 20-ть назадъ на этой мѣстности былъ вырытъ довольно большой ровъ подъ фундаментъ для алтаря. Очень можетъ быть, что рабочіе, вынувъ первый черепъ, ногами и заступами смѣшали верхнюю землю съ истлѣвшею крышкой гроба и даже вовсе не замѣтили перваго гроба, болѣе разрушившагося; могли они также растоптать и находившіяся въ гробахъ вещи и смѣшать ихъ съ землею; тѣмъ не менѣе нашлись уцѣлѣвшія и вынутыя изъ земли вещи. Это, во первыхъ, два золотые, круглые медальона; въ верхней части ихъ вмѣсто ушка дугообразная золотая проволока, что придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ висячими круглыми замками. Медальоны эти, выпуклые по срединѣ, служены къ краямъ; внутри ихъ замѣтна пустота, по срединѣ съ обѣихъ сторонъ находятся покрытые эмалью кружки, отороченные рядомъ жемчужинъ; но послѣднія уцѣлѣли лишь на одномъ изъ медальоновъ, въ числѣ 19-ти, на другомъ-же замѣтны только ихъ мѣста; по краямъ медальоновъ рельефныя небольшія украшенія въ византійскомъ стилѣ, на эмалевыхъ кружкахъ въ увеличительное стекло можно замѣтить на одной сторонѣ медальоновъ розетку, нѣсколько похожую на крестъ, и подъ нею круглое очертаніе, а на другой—надъ такимъ же очертаніемъ украшеніе изъ акантовыхъ листовъ; каждый изъ медальоновъ величиною въ діаметрѣ въ 1 верш., вѣсомъ—одинъ съ уцѣлѣвшими жемчужинами $7\frac{1}{2}$, а другой съ выпавшими жемчужинами около 7 золотниковъ. Судя по выпуклости медальоновъ, они вѣроятно открывались, но въ настоящее время затрудняются ихъ открыть изъ опасенія повредить. Къ сожалѣнію, въ Черниговѣ нѣтъ искуснаго ювелира, а было-бы весьма любопытно знать, нѣтъ-ли внутри медальоновъ какого нибудь изображенія или надписи.

Вмѣстѣ съ медальонами найдены двѣ серебряныя, сильно окисленныя, цѣпи. Одна изъ нихъ сплетена изъ довольно толстой проволоки и оканчивается прикрѣпленною къ ней змѣиною головою, съ другого-же конца такая-же голова отломана; но обѣ, какъ видно, соединялись кольцомъ; длина этой цѣпи 1 арш. 6 верш. Другая разломанная цѣпь, оканчивающаяся также змѣиною головою, изъ серебряной тонкой проволоки, внутри пустая, снаружи представляетъ мелкую сквозную рѣшетку, похожую на змѣиную чешую; длина ея съ разломанными частями $\frac{1}{2}$ аршина, а толщина $\frac{1}{4}$ верш. Эта послѣдняя цѣпь затѣйливой работы и представляетъ большое сходство съ змѣею или ужемъ. Къ одной изъ описанныхъ цѣпей долженъ принадлежать найденный, тоже окисленный крючекъ.

Кромѣ описанныхъ вещей, найдены съ ними вмѣстѣ три золотыя серьги овальной формы и 8-мь золотыхъ колець, похожихъ съ перваго взгляда на серьги, но меньшихъ размѣровъ. На серьгахъ не осталось ни одной жемчужины; на кольцахъ также видны мѣста украшавшихъ ихъ жемчужинъ или другихъ камней. Въ числѣ открытыхъ вещей находится также какой-то камень (кажется порфиръ), имѣющій видъ небольшого цилиндра, просверленнаго внутри. Всѣ эти вещи имѣютъ признаки византійской работы.

Такова находка; попытаемся сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Змѣи всегда имѣли эмблематическое различное значеніе: у язычниковъ—жезлъ Меркурія и Эскулапа, у первыхъ христіанъ епископскіе жезлы украшались и теперь еще украшаются змѣиными головами, какъ эмблемою мудрости; змѣю согнутую кольцемъ, держащую во рту свой хвостъ, считаютъ эмблемою вѣчности. Итакъ найденныя змѣеобразныя цѣпи могли имѣть и эмблематическое христіанское значеніе и служить вмѣстѣ съ тѣмъ женскимъ украшеніемъ. Такія украшенія византійскіе императоры дарили крестившимся въ Константинополь скифамъ и вѣроятно женамъ ихъ вождей и дружинниковъ¹⁾. На черниговской гривнѣ, найденной 1821 года и двухъ Ониксахъ (intaglio), найденныхъ въ Готѣ 1834 года проф. дерптскаго универ. Крузе, съ помощію которыхъ онъ могъ разобратъ надпись, не разобранную прежде на черниговской гривнѣ,

¹⁾ Должны бытъ русскія царицы, Н. Забѣлина, Москва, 1869 г., стр. 571.

а также на другихъ подобныхъ гривнахъ (таковы: найденная на Куликовомъ полѣ и описанная г. Напирскимъ, находящаяся въ мюнцъ-кабинетѣ казанскаго университета и описанная проф. Эрдамономъ и наконецъ гривна-медаль найденная близъ села Городища, стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи, хранящаяся теперь въ ризницѣ черниговскаго архіерейскаго дома и въ свое время описанная пр. Филаретомъ, черниговскимъ архіепископомъ) помѣщаются съ одной стороны человѣческая голова, окруженная змѣями, а съ другой на Ониксахъ надписи священнаго содержанія, а на медаляхъ, кромѣ надписей, еще и изображенія: на черниговской и казанской архистратига Михаила, на найденной на Куликовомъ полѣ образъ пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на послѣдней св. Георгія Побѣдоносца. По объясненію упомянутыхъ ученыхъ, змѣи съ одной стороны и священное изображеніе и надписи съ другой заключали въ себѣ символическое значеніе погнанія язычества христіанствомъ въ побѣдоносной брани съ змѣемъ, изображенной въ Апокалипсисѣ XII, 7—12 и у пророка Даниила X, 21¹⁾.

Мы склонны предполагать, что найденныя цѣпи весьма древняго и при томъ византійскаго происхожденія. Аллегорическій смыслъ змѣиныхъ головъ повянутъ самъ собою и не могъ быть инымъ, какъ общепринятымъ въ языческомъ и христіанскомъ мірѣ; что-же касается символическаго значенія другой части медальоновъ, то сказать о немъ что либо определенное затрудняемся, такъ какъ лишь на одномъ изъ нихъ едва примѣтно изображеніе креста, а что внутри ихъ, пока неизвѣстно, хотя очень можетъ быть, что какъ наружныя, такъ и внутреннія изображенія погибли отъ неосторожности рабочихъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что найденные скелеты христіанскіе. Думать, какъ это хочется нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ цѣпителей древностей, что это была языческая могила, вѣтъ никакого повода; открытые скелеты, по обычаю христіанъ, обращены къ востоку; мѣста двухъ языческихъ кладбищъ въ Черниговѣ хорошо опредѣлены профессоромъ Самоквасовымъ и находятся на Болдинои горѣ, близъ троецкаго архіерейскаго дома и елецкаго монастыря; самое-же мѣсто, на кото-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просвѣд., 1836 г., ч. IX, стр. 335—363. Описание черниговской епархіи, архіеп. Филарета, стародубск. уѣздъ, книга 7, стр. 52. Черниговъ, 1873 г.

ромъ сооруженъ борисоглѣбскій храмъ, находилось въ древней крѣпости; наконецъ значительныхъ лицъ язычники сожигали, а простые люди не могли имѣть дорогихъ украшеній, къ каковымъ несомнѣнно принадлежатъ описанныя нами.

Черниговскій борисоглѣбскій соборъ, близъ котораго найдены эти вещи, сооруженъ черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ, отцемъ преподоб. Николы Святоши, въ 1120 году, и въ немъ погребены какъ самъ храмоздатель, такъ и сынъ его, великій князь Изяславъ, всѣ-же другіе черниговскіе князья погребены въ соборѣ спасскомъ. Итакъ, судя по найденнымъ вещамъ, можно думать, что въ раскопанной случайно могилѣ были похоронены въ гробахъ, поставленныхъ одинъ на другомъ, двѣ какія-то знатныя особы женскаго пола, можетъ быть, черниговская боярыня и ея дочь временъ князя Давида Святославича или его сына.

А. Ханенно.

ПИСЬМО ИЗЪ ВАРШАВЫ ОТЪ 6-го АПРѢЛЯ 1790 Г.

Помѣщаемое подъ такимъ заголовкомъ письмо поступило къ намъ изъ бывшаго архива секретаря Потемкина В. С. Попова. На послѣдней страницѣ надпись позднѣйшаго времени: „по приказанію императрицы Екатерины II переведено съ польскаго статсъ-секретаремъ В. С. Поповымъ“. Итакъ письмо это было въ рукахъ Екатерины, относительно которой содержится въ немъ весьма важное, хотя, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ неосновательное обвиненіе. Кѣмъ и къ кому писано письмо, когда и какъ попало въ руки русскихъ властей, не извѣстно. Писано оно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся въ Варшавѣ событій, обозначавшихъ собою послѣдніе дни существованія Польши, и передаетъ такъ сказать новости дня. Одною изъ самыхъ крупныхъ новостей въ то время былъ сочиняемый не въ первый разъ приходившею въ отчаяніе волынской шляхтою мнимый бунтъ на Волыни, сопровождавшійся на этотъ разъ арестомъ и заключеніемъ въ крѣпость слуцкаго архимандрита, впослѣдствіи минскаго и потомъ черниговскаго архіепископа Виктора Садковскаго, и съ нимъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ Волыни. Варварскія казни надъ участниками Коліив-

щины, производившіяся главнымъ образомъ на Волини, не давали покоя такъ настойчиво требовавшей въ свое время кровавой кары шляхтѣ, и она въ свою очередь ожидала такого-же для себя возмездія. Опасенія и страхи усиливались въ виду раздраженія народнаго, видимаго тяготѣнія всего русскаго и православнаго въ сторону Россіи, обычныхъ въ то время такъ называемыхъ „нохвалокъ“ и наконецъ очевиднаго для всѣхъ окончательнаго разложенія Польши. Полякамъ не вѣрилось, что ихъ отчизна умираетъ смертью, которую сама для себя подготовила, и они искали причинъ оной въ постороннемъ вмѣшательствѣ и подущеніяхъ. Въ теченіи почти полустолѣтія сыпались уже со стороны поляковъ на русское правительство обвиненія въ тайномъ подущеніи къ бунтамъ православнаго населенія Польши, между тѣмъ какъ это послѣднее болѣе полутора ста лѣтъ само стремилось къ единенію съ Россіею, направляя для этого всѣ свои силы, поднимая страшное кровопролитіе, но каждый разъ было отбрасываемо въ ненавистныя ему руки Польши, что еще разъ доказываетъ, что инстинкты народныя выше пониманія такъ называемыхъ государственныхъ дѣятелей. Одно изъ такихъ обвиненій содержится въ приводимомъ письмѣ, при томъ въ видѣ несомнѣнной, свѣжо добытой письменной улики. Нелѣпость этого обвиненія понятна сама собою. Екатеринѣ не было надобности въ подстрекательствѣ русскаго населенія Волини противъ Польши, когда сама Польша была всецѣло въ ея рукахъ и русскія войска наводняли польскія провинціи. Бунта и истребленія поляковъ, о которомъ здѣсь рѣчь, не послѣдовало, а спустя три года наступилъ окончательный раздѣлъ Польши и возвращеніе ея русскихъ областей въ лоно Россіи. Викторъ Садковскій томился четыре года въ заключеніи и выпущенъ на свободу, по настоянію Россіи, лишь предъ самымъ раздѣломъ Польши.

Какъ однако могло появиться извѣстіе объ отысканіи у Виктора Садковского письма или манифеста, посланнаго будто-бы Екатериною къ православному духовенству и населенію Волини и возбуждающаго „чернь противъ дворянства польскаго“? Объясненіе этого не представитъ затрудненія, когда припомнимъ обстоятельства возникновенія возстанія на Украинѣ въ 1768 году и появленія такъ называемой *Золотой грамоты*. И теперь, какъ и тогда, народъ слѣпо вѣрилъ въ защиту Россіи и что она приметъ его въ

свое подданство, не смотря на то, что она-же помогала Польшѣ усмирять ея непокорныхъ подданныхъ. Очень можетъ быть, что и теперь появился какой-либо подложный манифестъ отъ имени Екатерины, въ родѣ золотой грамоты 1768 г., или подобная вѣсть, либо мнѣніе передавалось въ какомъ-либо частномъ письмѣ, найденномъ у Виктора Садковского или кого-либо изъ арестованныхъ съ нимъ; очень можетъ быть, что находились и теперь люди, вѣрившіе въ подлинность такого манифеста и желавшіе воспользоваться имъ, какъ въ 1768 г., для поднятія народнаго возстанія. „Сами знатнѣйшіе вельможи польскіе не безызвѣстны были“ о письмѣ Екатерины, т. е. вѣрили въ существованіе оного. Нигдѣ однако, кромѣ приводимаго письма, мы не встрѣчаемъ другаго подобнаго указанія, не говоря о томъ, что производившееся долгое время надъ Викторомъ Садковскимъ слѣдствіе не открыло за нимъ никакого политическаго проступка.

Помѣщаемое письмо содержитъ и другія любопытныя извѣстія, не требующія однако какого либо объясненія; читатели ознакомятся съ ними изъ слѣдующаго текста письма въ современномъ переводѣ.

Допросы архимандрита слудкаго окончены. Депутація, къ тому опредѣленная, послала оныя сеймующимъ штатамъ, и скорѣе дѣло сіе начнется въ сеймовыхъ судахъ. У архимандрита и священниковъ найдено писанныхъ бумагъ 400 листовъ, коими обнаружилось ужасное намѣреніе истребленія поляковъ; и между прочиямъ находятся письмо Ея Величества Императрицы российской, коимъ она увѣщаетъ архимандрита и священниковъ къ возмущенію черпн противу дворянства польскаго, обиадеживая ихъ великими наградами и достоинствами, ибо сямъ дѣйствіемъ и русскія области къ Польшѣ и Литвѣ принадлежація возвратятся въ подданство скипетра ея, какъ единой покровительницы греческаго исповѣданія. О такомъ злоумышленіи значнѣнше пзъ нашихъ вельможей былъ безызвѣстны. До 50-ти священниковъ сдѣлали присягу ея императорскому величеству въ вѣрномъ исполненіи предположеннаго намѣренія. Сколь скоро судъ надъ архимандритомъ начнутъ производить, то сеймующіе штаты принесутъ торжественно жалобу предъ лицемъ всѣхъ державъ противу Ея Величества Императрицы всероссийской, какъ губительницы польскаго государства.

Въ Галиціи нѣмцы много опасаются, чтобъ не послѣдовало возмущенія; почему изданы тамо указы, чтобы народъ наблюдалъ, не собирается ли къ оному дворянство и за донесеніе опредѣлены великія награжденія. Червь много тѣмъ пользовался, ибо коль скоро видѣла дворянина верхомъ бѣдущаго, тотчасъ доно-

сила директору и получала заплату, но когда посланные команды никого не находили, то доносители сказывали, что дворяне подозрительные убѣгали въ лѣсъ. Пѣшцы, узнавъ сіи обманы, больше уже награды не даютъ.

На сихъ дняхъ прїѣхалъ изъ Стамбула отъ посланника Потоцкаго, старссы Щиржецкаго, курьеръ съ весьма важными письмами, о коихъ въ сеймовомъ засѣданіи чрезъ три часа по выходѣ не принадлежащихъ къ сейму особъ (semotis arbitris) разсужденіе продолжалось. Помянутой посланникъ весьма уважается въ Стамбулѣ не только отъ султана и дивана, но даже и отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и присутствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Съ министрами прусскими, англійскими и шведскими частыя имѣетъ конференціи, послѣ копѣхъ тотчасъ подаетъ ноги эллистрамъ дивана.

Войсковой комиссія отдала приказы нѣкоторымъ войнамъ, хоругвямъ народовой кавалеріи и региментамъ пѣхотнымъ идти на Украину. Сіе войско, составляющее 12,000 человекъ, имѣетъ расположиться лагеремъ повыше Сяблы подъ командою князя Михаила Любомирскаго. Недавно пошло отсель войско въ Литву съ 12 пушками и военными снарядами.

Король Леопольдъ прислалъ здѣшнему императорскому резиденту г. де-Казель извѣстіе объ кончинѣ брата его императора Іосифа II, гдѣ упоминаетъ также, что вскорѣ пришлетъ къ нашему двору полномочнаго посланника съ изъявленіемъ дружбы своей въ Рѣчи Посполитой польской.

По ревизіи оказалось, что въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ находилось жидовъ 28,000, коп дѣлали много помѣшательства здѣшнимъ жѣщанамъ въ торговлѣ и рукодѣліяхъ, но нынѣ Варшава отъ сего кучи освободится.

КНЯЗЬ ЯБЛОНОВСКІЙ ВЪ НЕЛОВКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія м. Стеблевымъ (кіев. губ., канев. у.) владѣлъ польскій магнатъ князь Яблоновскій, послѣдній представитель знатной польской фамиліи: онъ умеръ бездѣтнымъ. Народная память забыла даже его имя, но не забыла личности этого оригинальнаго князя. Не смотря на свой громкій титулъ, на свое высокое положеніе въ Рѣчи Посполитой, князь Яблоновскій любилъ говорить по-украински, одѣвался по-крестьянски, въ будніе дни носилъ свиту или жупанъ, широкіе крестьянскіе шаровары, смушевую шапку. Разсказываютъ, что онъ часто являлся лично на громадскія сходки, происходившія въ орандѣ, обширномъ старинномъ зданіи среди мѣстечка, сохранившемся донныѣ, принималъ

участіе въ обсужденіи громадскихъ дѣлъ и послѣ сходовъ любилъ побалакать съ мужиками въ оранжѣ и даже нерѣдко пилъ съ ними „по чарці, сидя за столомъ на бесѣді“. Былъ-ли это капризъ знатнаго магната, или-же въ этомъ обнаруживалось демократическое направленіе небольшой фракціи польской шляхты, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но въ мѣстномъ населеніи сохранилось очень хорошее воспоминаніе о Яблоновскомъ, какъ о помѣщикѣ. Онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Съ этимъ-то княземъ Яблоновскимъ, вѣроятно вскорѣ послѣ присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, примѣрно 1794 или 1795 г. случился очень неприятный казусъ, но всей вѣроятности ускорившій его кончину.

Домъ князей Яблоновскихъ стоялъ на островѣ Замкѣ, образуемомъ рѣкою Росью и ея рукавомъ Самовілкою. Этотъ островъ вѣроятно представлялъ безопасное мѣсто отъ нападенія козаковъ и гайдамаковъ, благодаря скалистымъ отвѣснымъ берегамъ Роси и Самовілки. Послѣдній Яблоновскій оставилъ этотъ старинный палацъ, вскорѣ обратившійся въ развалины, и основалъ свой дворъ близъ самаго мѣстечка. Ворота двора выходили прямо на базарную площадь. Одно зданіе въ этомъ панскомъ дворѣ, двухъ-этажный павильонъ, вѣроятно предназначенный для ночлега гостей, сохранился до настоящаго времени. Въ этомъ-то новомъ панскомъ дворѣ разыгралась траги-комедія, имѣвшая печальныя послѣдствія для князя Яблоновскаго.

Князь Яблоновскій въ старости имѣлъ привычку въ лѣтніе жары отдыхать послѣ обѣда въ костюмѣ праотца Адама, завершись въ своей опочивальнѣ. Въ такомъ видѣ, вѣроятно отъ скуки, онъ часто надѣвалъ на себя какіе-то ордена, которые у него были, но которыхъ онъ никогда не носилъ, становился передъ огромнымъ зеркаломъ и провозносилъ слѣдующую речею, обращаясь къ отраженію своей персоны, убранной въ ленты и кресты:

— Князю Яблоновскій! Чого тобі недостача? Ты все маєшь, чого тільки твоя душа забажає. Въ тебе воля, въ тебе отары овецъ, въ тебе сила хлѣба, грошей, людей. Въ тебе такі коні, якъ ни въ одного нана. Ты маєшь ласку у короля. Тебе знає вся Польща. Въ тебе всяки регалиї. Тобі хіба птичого молока недостає. Князю Яблоновскій! Який ты розумний! Чи є хто въ Польщі розумніший одъ тебе? Ты розумніший одъ усіхъ.

При этомъ князь указывалъ перстомъ на свое чело, какъ на вмѣстилище необыкновеннаго ума.

Любопытные лакеи успѣли подсмотрѣть и подслушать, что творилъ и что говорилъ князь, запираясь въ своей спальнѣ. Нашелся одинъ шутникъ лакей, которому вздумалось подшутить надъ старикомъ и напугать его. Яблоновскій былъ суевѣренъ и боялся нечистой силы. Однажды лакей этотъ спрятался въ огромномъ старинномъ каминѣ, находившемся въ спальнѣ. Яблоновскій по обыкновенію раздѣлся, надѣлъ все ордена, сталъ передъ зеркаломъ и началъ читать рацею самовосхваленія.

— Князю Яблоновскій! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чога тільки душа твоя забяжае. Въ тебе багато землі, въ тебе воля, въ тебе коні, въ тебе вівці. Въ тебе сила хлѣба, грошей. Тебе всі люблять, всі поважають. Въ тебе розуму сила. Ты розумный, розумный! розумніший одъ царя Соломона...

Въ этотъ моментъ въ комнатѣ раздался едва слышимый, но отчетливый голосъ:

— Князю Яблоновскій! Ты дурень, дурень, великій дурень!

Князь Яблоновскій ошарашенъ, услышавъ странный таинственный голосъ, отвѣчавшій въ тонъ его рѣчи, какъ эхо. Онъ осмотрѣлъ все углы въ комнатѣ. Попробовалъ дверь—дверь заперта. Заглянулъ за зеркало, никого нѣтъ; посмотрѣлъ подъ кровать—никого нѣтъ. Онъ перевернулъ подушки, посмотрѣлъ подъ тюфякъ—нигдѣ никого и ничего. Яблоновскій успокоился, вѣроятно подумалъ, что ему послышалось, опять сталъ передъ зеркаломъ, направилъ ленты на груди и началъ свою рацею: „князю Яблоновскій“... но едва онъ произнесъ: „ты, князю, розумный, розумный, розумніший одъ усіхъ“, опять послышался на этотъ разъ болѣе отчетливый голосъ, какъ будто раздающійся надъ головою князя въ воздухѣ: „князю Яблоновскій! Ты дурень, дурень, дурніший одъ усіхъ“. Яблоновскій струсилъ, поблѣднѣлъ, отперъ дверь и какъ былъ, въ костюмѣ Адама и въ орденахъ, опрометью бросился бѣжать на базарную площадь. Крестьяне и жида, удивленные появленіемъ князя среди бѣлаго дня на базарѣ въ такомъ странномъ костюмѣ, окружили его и выслушали рассказъ о приключеніи. Князь рассказывалъ, что въ его спальнѣ завелся нечистый. Въ это время все замѣтили черную фигуру, вылѣзшую изъ трубы и прыгнувшую на

крышу панскаго дома. Яблоновскій сейчасъ догадался, кто сыгралъ роль нечистаго и напугалъ его. Онъ крикнулъ: „давай рушницу!“ Ему подали заряженное ружье. Раздался выстрѣлъ, и нечистый свалился съ крыши на землю мертвымъ. За эту кару нечистаго князь попалъ подъ судъ и въ тюрьму и вскорѣ послѣ этого неприятнаго приключенія умеръ. Вѣроятно вся эта исторія случилась уже послѣ присоединенія Кіевщины къ Россіи, при новыхъ порядкахъ. Въ блаженные времена шляхетскихъ вольностей въ старой Польшѣ конечно все окончилось-бы благополучно для Яблоновскаго. Сохранилось одно распоряженіе въ Хировской экономіи 1796 г. (Хировка—сосѣднее село, тогда принадлежало Яблоновскому), подписанное уже рукою жены Яблоновскаго, княгиней Францишкою Яблоновскою.

И. Л.

ЗАПИСАВШІЙСЯ ВО ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА СВЯЩЕННИКЪ.

Канувшее навсегда въ вѣчность крѣпостное право оставило намъ на память слѣды отношеній помѣщиковъ не только къ бывшимъ у нихъ въ безапелляціонной зависимости крестьянамъ, но и къ духовнымъ руководителямъ сихъ послѣднихъ—священникамъ. Ниже приводимый документъ, списанный нами съ подлинника, хранящагося въ рождество-богородичной церкви села Масловой, чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ недалекомъ прошедшемъ, именно въ первой трети настоящаго столѣтія, право полученія священническаго сана и мѣста во многихъ случаяхъ зависѣло не только отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ искателя священнаго сана, но и отъ согласія господина, владѣвшаго прихожанами извѣстной деревни. Можно полагать, что такому согласію помѣщиковъ придавалось не малое значеніе и высшею епархіальною властію.

Вотъ этотъ документъ, переписанный нами съ соблюденіемъ орфографіи подлинника:

„1825-го года февраля 16-го дня, я, нижеподписавшійся, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, мѣстечка Шполи, свято-троецкой церкви діаконъ Василій Гдешинскій далъ сію подписку по-

мѣщичку Василю Григоріеву сыну Цымбалистову въ томъ, что я съ рукоположенія во священника въ село Маслову въ рождества-богородичной церкви, состоящей въ чигиринскомъ повѣтѣ, никакихъ съ прихожанъ выматательствъ лишнихъ требовать не стану, а такъ какъ по указному положенію; и вѣсть себя честно и добропорядочно, какъ церковныя правила священному сану дозволяютъ, чтобы пьянства, ссоры, драки и буянства ни съ кѣмъ никогда не было; также чтобы раждаемые младенцы безъ крещенія, а старые безъ исповѣды и безъ удостоенія святыхъ таинъ причащенія не умирали, и простолудинами погребены не были; также у воскресныя и праздничныя дни церковь безъ богослуженія не оставалась, въ противномъ-же случаи могло-бы что послѣдовать выше прописанныя пороки, то имѣть право помѣщикъ Цымбалистовъ безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой *отправить*; и накто выше помянутый дьяконъ согласенъ, въ томъ своеручно и подписался дьяконъ Василій Гдѣшинскій“.

Тутъ одно изъ двухъ: или сказанный помѣщикъ Цымбалистовъ былъ столь усерднымъ радѣтелемъ религіозныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, что въ условіи съ будущимъ священникомъ прописалъ чуть не всѣ пункты ставленнической священнической грамоты, или искатель священническаго мѣста въ с. Масловой только путемъ такихъ условій съ помѣщикомъ, равно при протекціи послѣдняго, и могъ достигнуть священническаго сана. Какъ-бы то ни было, а Василій Гдѣшинскій удостоенъ былъ священства и прослужилъ въ с. Масловой лѣтъ около 30. Послѣдній пунктъ приведеннаго документа, предоставляющій право помѣщику Цымбалистову „безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой отправить“, ясно характеризуетъ взглядъ тогдашнихъ низшихъ членовъ причта на казавшееся имъ могущество помѣщиковъ въ своихъ владѣніяхъ.

Священникъ П. Саббатовскій.

1883 года, февраля 21 дня.

С. Толмачъ.

КЪ ИСТОРИИ БУГСКИХЪ КОЗАКОВЪ *).

Господину генералу отъ кавалеріи и кавалеру Млхельсову 1-му генералъ-лейтенанта, командующаго войсками въ 13-й дивизіи состоящими, инспектора ихъ Дюка Де-Ришелье

РАПОРТЪ.

Войска бугскаго наказный атаманъ г-нъ полковникъ князь Кантакузенъ рапортуетъ мнѣ, что сформированные имъ молдавскіе волонтирскіе полки въ Кишиневѣ 1-й и 3-й пѣшіе, 2-й и 4-й конные, изъ коихъ 1-й подъ командою майора Визиряна выступилъ на службу въ Бендеры, 2-го коннаго одна сотня съ хорушимъ Свалѣсовымъ въ Фалчи выкомандирована; 4-й конной полковаго есаула Шеміота выступилъ сего февраля 2-го числа. Остаются въ Кишиневѣ готовыми 2-го полка двѣ сотни, подъ командою ротмистра Гулдарія и третьяго пѣшаго 3 сотни подполковника Бицилія, за неполученіемъ оружія изъ ожидаемыхъ мѣстъ.

Вербовка въ волонтиры начало свое воспріяла съ небольшимъ полтора мѣсяца тому назадъ, въ столь короткое время успѣлъ полковникъ князь Кантакузенъ, собрать и устроить при малой помочѣ отъ казны до 2000 человекъ на службу. Ведаю совершенно, что онъ на пользу государственную не щадилъ здоровья и послѣдняго имѣнія своего; истиннымъ усердіемъ, отличными дѣяніями, рвеніемъ и неутомимыми трудами къ высочайшей ево императорскаго величества службѣ, заставляеть обязанностію моею отдать настоящую ему въ томъ справедливость. Онъ князь Кантакузенъ сверхъ того употребленъ мною за границею къ соглашенію Булгаръ и другихъ христіанъ въ переселеніи оттолъ ихъ на нашу сторону и въ семь предметъ показалъ успѣхи въ успѣшномъ сформированіи тѣхъ четырехъ волонтирскихъ полковъ; полковникъ князь Кантакузенъ свидѣтельствуеть оказанную дѣятельность и совершенное усердіе. Содѣйствовавшихъ ему въ подвигахъ подполковника *Бицилія*, полковаго есаула *Шеміота*, ротмистра *Гулдарія*, сотниковъ *Петрулина*, *Грибовецкаго* 2-го, прапорщика *Самарина*, бугскаго козачьяго войска урядниковъ *Ромоданова* и *Боднирскаго* вашему высоко-превосходительству. Осмѣливаясь представить все описанное на милости-

*) «Кіевская Старина», 1882 года.

вое благоуваженіе, всепокорнѣйше прошу къ поощренію на дальнѣйшее служеніе и въ воздаяніе отличныхъ трудовъ исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя императора, полковнику князю Кантакузелу и прочимъ выше поименованнымъ чиновникамъ слѣдующихъ по заслугамъ каждому награды. Подлинной подписалъ генералъ-лейтенантъ *Дюк Де-Ришелье*.

Съ подлиннымъ вѣрно, князь Кантакузенъ“.

№ 748.

Въ Одессѣ.

Февраля 2 дня, 1807 года.

Этотъ документъ списанъ съ безграмотнаго списка, но онъ интересенъ для памяти потомковъ упомянутыхъ бугскихъ чиновъ, которые теперь въ дѣтяхъ и внукахъ находятся въ нашемъ краѣ.

А. Снальновскій.

ЕЩЕ ОБЪ УКРАИНСКОЙ ЗЛОПОЛУЧНИЦѢ.

Въ январской и апрѣльской вѣснѣкахъ „Кіевской Старины“ за настоящій годъ, въ отдѣлѣ „Извѣстій и Забѣтокъ“ сообщены варианты пѣсни о несчастной дѣвушкѣ, соблазненной и убитой заѣзжими людьми, которые называются то чужеземцами, то козаками, то татарами, то наконецъ „двораками“ и „дворянами“, какъ въ вариантѣ сѣдлецкомъ.

Къ тому, что сообщено доселѣ объ этой пѣснѣ, мы прибавимъ, что она въ самыхъ разнообразныхъ вариантахъ распространена почти повсемѣстно и у поляковъ¹⁾. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ польскихъ вариантахъ пѣсни основная мысль та-же, что и въ малорусскихъ, но форма самая разнообразная. Не всегда соблазнитель три, чаще у поляковъ одинъ—„*chłowiec cudzej krajiny*“ или просто „*Jaś*“ и обыкновенно жертва погибаетъ въ „*głębokim Dunaju*“, послѣ того, какъ съ нея сияли „*bogaty strój*“ и отняли деньги. О происхожденіи пѣсни, происшествіи, послужившемъ поводомъ къ

¹⁾ См. Kolberg O. Lud polski, I, № 5 a—z, VI № 316; Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej II, str. 78, № 89 и 90; IV str. 129, № 105.

составленію пѣсни, и личности соблазнителя трудно установить какой либо опредѣленный взглядъ. Несомнѣнно то, что пѣсня эта весьма древняя, подвергалась измѣненіямъ и наслоеніямъ въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ и окрашивается чисто мѣстными тонами; личность убійцы-соблазнителя совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ общественныхъ условій. Роль такого соблазнителя и жестокаго убійцы на Украинѣ усвоится татарину или донцу, польская-же пѣсня ищетъ героя вообще среди людей „obcuch“ и даже родныхъ „Jasiów“. Большинство вариантовъ украинскихъ и польскихъ оканчивается правоученіемъ: умирающая дѣвушка взываетъ ко всѣмъ матерямъ или дѣвицамъ, указывая на печальныя послѣдствія то знакомства съ неизвѣстными людьми, то бѣгства отъ матери и отца,—послѣднее преобладаетъ въ пѣсняхъ польскихъ.

Намъ кажется, что авторъ замѣтки о подляской злополучницѣ, сообщаетъ вариантъ, въ которомъ соблазнитель носитъ названіе: „дворянинъ“, „дворакъ“, „двораченько“, и увлекшись созвучіемъ этого названія съ великорусскимъ словомъ дворянинъ, напрасно предполагаетъ такихъ соблазнителей въ средѣ дворянства и говорить по поводу этой пѣсни о ненависти подляскихъ малороссовъ къ своему дворянству, заклеившему себя народнымъ и религіознымъ отступничествомъ. Малороссу, особенно подляскому, не извѣстно слово „дворянинъ“ въ смыслѣ русскаго дворянства, для котораго онъ имѣетъ общеупотребительное названіе „панъ“, а иногда „шляхтичъ“. Подляское „дворакъ“ и „дворянинъ“ отвѣчаетъ украинскому „двірський, дворовый“; „dworzanin“ и „dworak“ встрѣчаются постоянно въ пѣсняхъ польскихъ въ значеніи людей изъ панской двори, къ которымъ народъ также по разнымъ причинамъ относится весьма недружелюбно, но которые при своей обезнеченности и нарядности играютъ роль деревенскихъ львовъ. Кромѣ основной мысли пѣсни, въ польскихъ ея вариантахъ можно замѣтить очень много мѣстъ почти тождественныхъ съ соответственными мѣстами въ спискахъ малорусскихъ. Возьмемъ слѣд. мѣсто малорусскаго текста:

Привезли дівчину до зеленої сосни.
Вернись, дівчино, бо буде тошно!
Ой я не вернусь — не славы боюсь,
Зь донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь.

Этому мѣсту отвѣчаютъ слѣдующіе стихи той-же пѣсни, записанной въ плочкѣй губерніи:

I powędrowali do ciemnego lasu,
Wracaj się, Kasiuniu, do domu zawczasu!
Na cóż ja tę nocę z tobą wędrowała,
Abym się do domu sama wracać miała?

Первый стихъ седьмого куплета кѣлецкаго варианта: „*spójrzała Kasiuniu wysoko po jedli*“ очень напоминаетъ стихъ подляскаго списка: „*Oj stali dziewczyna, sovny polichila*“.

Принадлежить-ли эта пѣсня къ бродячимъ, какой народъ и у кого позаимствовала ее? Переложить-ли только сюжетъ и оформить по своему, или сдѣлать просто первоначально переводъ?— всѣ эти вопросы остаются открытыми. Интересныя указанія могъ бы дать собраніе мелодій этихъ вариантовъ; къ сожалѣнію, я не знаю ни польской, ни малорусской музыки этой пѣсни.

Ц. Г. Нейманъ.